

На правах рукописи

Ли Илэй

**ПОВСЕДНЕВНЫЙ БЫТ И РЕЛИГИОЗНЫЙ МИР ЖЕНЩИН
В КРЕСТЬЯНСКИХ СЕМЬЯХ СЕВЕРНОГО КИТАЯ
ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА**

Специальность 5.6.4. – этнология, антропология и этнография
(исторические науки)

Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата
исторических наук

Москва – 2025

Работа выполнена в Центре гендерных исследований ФГБУН Ордена Дружбы народов Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая Российской академии наук

Научный руководитель **Наталья Львовна Пушкарева** – доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник ФГБУН Ордена Дружбы народов Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, Заслуженный деятель науки РФ.

**Официальные
Оппоненты:** **Мухина Зинара Зиевна** – доктор исторических наук, профессор кафедры гуманитарных наук Старооскольского технологического института им. А.А. Угарова (филиал Национального исследовательского технологического университета МИСИС).

Белая Ирина Витальевна — доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Отдела Искусства и материальной культуры Федерального государственного бюджетного учреждения науки Института востоковедения Российской академии наук

Ведущая организация Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Алтайский государственный педагогический университет»

Защита состоится «21» октября 2025 года в 14.30 на заседании Диссертационного совета Д002.117.01.ХХ (24.1.194.01) по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата исторических наук, ученой степени доктора исторических наук, созданного на базе ФГБУН Ордена Дружбы народов Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН по адресу: 119334, Москва, Ленинский проспект, 32а, корпус «В», 18 этаж, Малый зал.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке и на сайте Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН: www.iea-ras.ru

Автореферат разослан «...» _____ 2025 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат исторических наук _____ О.Б. Наумова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования.

Изучение женской повседневности в исторической перспективе — относительно новая тема для мировой историографии. События начала 2020-х гг., в особенности пандемия COVID-19, оказали значительное психологическое воздействие на китайское общество, стимулируя осмысление экзистенциальных вопросов и обращение к историческому опыту преодоления кризисов. Развитие интернет-коммуникации способствовало широкому обсуждению социальных проблем, ранее находившихся вне общественного дискурса, включая вопросы домашнего насилия, влияния социально-половых стереотипов и неравенства прав. Свободный обмен мнениями повышает осведомленность общества о сохраняющихся социальных проблемах, стимулируя их осмысление и действия, направленные на достижение равенства мужчин и женщин.

Выбор темы также обусловлен стремлением критически осмыслить специфику китайской модернизации, ее влияние на гендерные отношения, с учетом западных теорий и уроков советского опыта в гендерной политике и эмансипации. Основная исследовательская интрига связана с вопросом: представляет ли китайская модель модернизации и решения «женского вопроса» уникальный альтернативный путь, отличающийся от западных и советских подходов?

Проработка обширной китайской научной литературы по истории семейно-брачного права ставит вопрос об устойчивости социокультурных стереотипов, связанных с полом. Почему в Китае, инициировавшем восемь десятилетий назад масштабную государственную программу эмансипации женщин, сельские женщины до сих пор сталкиваются с многочисленными ограничениями и проблемами? Каковы истоки современных трансформаций, история борьбы женщин за признание своих прав, и как молодые китайки в 1930-1940-е годы решались обращаться к правовым инструментам, отстаивая свою субъектность, свободу выбора статуса в семье и противодействуя традиционному «браку по договоренности»¹, не скатываясь к выстраиванию бинарных оппозиций и делению сельского населения на «освобожденных» и «неосвобожденных»? Очевидно, что современные выводы и достижения формировались в длительном историческом контексте, что делает линейный эволюционный подход нерелевантным и требует углубленного понимания сложных констелляций китайских традиций. Реформы, проводившиеся на протяжении почти столетия, оказали значительное воздействие на культурную систему деревни, однако многослойность китайского общества, сложное социальное расслоение, особенно на низовом уровне, и устойчивость традиционной культуры усложняют поиск ответов на аналитические вопросы, делая его более сложным, чем позволяют формальные теоретические построения.

¹ Су Вэй. Легендарная жизнь Лю Цяоэр: Художественный прототип Лю Цяоэр — Фэн Чжицин. Ланьчжоу: Ганьсу жэньминь чубаньшэ, 2005. 335 с.

Новейшая история Китая берет начало с Синьхайской революции 1911 года, которая привела к свержению императорской власти династии Цин (1644-1912) и провозглашению Китайской Республики (1912-1949). Сунь Ятсен (основатель партии Гоминьдан) в 1912 году занял пост временного президента Республики, однако в условиях сложной внутривластной обстановки вскоре уступил власть генералу Юань Шикаю (1859-1916). Знаковым событием стал 1921 год, когда в Шанхае была основана Коммунистическая партия Китая (КПК). Мао Цзэдун (1893-1976) являлся одним из основателей КПК, хотя и не сразу занял в ней лидирующие позиции. Главной целью КПК стало национальное спасение и борьба с иностранным влиянием. После смерти Сунь Ятсена в 1925 году, Чан Кайши (1887-1975), к тому моменту уже инициировавший Северный поход (военную кампанию, целью которой было объединение раздробленного Китая под эгидой Гоминьдана), стал лидером Гоминьдана, но сопровождалось нарастанием противоречий между Гоминьданом и коммунистической партией.

Борьба между коммунистами во главе с Мао Цзэдуном и националистами во главе с Чан Кайши не только за политическое лидерство, но и за определение дальнейшего пути развития Китая, характеризовавшаяся как периодами сотрудничества, так и открытого вооруженного противостояния, оказала определяющее влияние на китайскую историю последующих десятилетий и завершилась в 1949 году победой коммунистов. Важным этапом этой борьбы стала гражданская война, интенсивность которой возросла после завершения Второй мировой войны и продолжалась до 1949 года.

Пограничный район Шэньси-Ганьсу-Нинся на севере Китая, который взят нами для рассмотрения в данной работе, стал ключевой базой КПК, удержание контроля над которым с середины 1930-х годов и до победы в гражданской войне стало возможным благодаря успешности стратегии опоры на крестьянство. Стратегия эта включала, в частности, проведение земельной реформы и снижение налогового бремени для всех граждан. С сентября 1937 года именно в этих северных провинциях располагался основной лагерь революции, и за 12 лет КПК провела в этом регионе ряд важных политических, экономических и культурных преобразований, накопив ценный опыт и заложив основу для формирования новых социальных отношений в стране.

Регион Шэньси-Ганьсу-Нинся – одна из колыбелей китайской цивилизации, обладает значительным историко-культурным наследием. Именно здесь еще в XII–XI вв. до н.э. сформировалась культура раннего Чжоу², ставшая важным этапом на пути к созданию династии Чжоу. В культуре Чжоу были прочные традиции наследования имущества и власти по отцовской линии, что способствовало закреплению доминирующего положения мужчин в социальной структуре. Патриархальные нормы, сложившиеся несколько столетий назад, оказывали определяющее влияние на социальные и культурные структуры в последующей истории Китая.

Вплоть до 1970-х гг. (!) регион Шэньси-Ганьсу-Нинся находился в состоянии

² Объединенная археологическая экспедиция по ранней культуре Цинь. Путешествие в Жунди: археологические исследования во Внутренней Монголии, Шэньси, Нинся и Лундун // Археология и реликвии. 2012. № 1. С. 96-107.

экологической деградации, вызванной чрезмерной распашкой земель. Недостаточно развитая транспортная инфраструктура и слабая экономическая база определили бедность и отсталость региона вплоть до последней четверти XX в. В выбранное нами для исследования время – 1930-е гг. – один из уроженцев уезда Баоань (ныне уезд Чжидань) провинции Шэньси, получивший военное образование, член Коммунистической партии Китая Лю Чжидань, решился на создание в посёлке Наньян на востоке провинции Ганьсу революционной базы.

В 1935 году Центральная Красная армия и Центральный комитет КПК, завершив стратегическое отступление из районов, контролируемых Гоминьданом, прибыли в регион Шэньси-Ганьсу-Нинся и объединились с силами Лю Чжиданя, сформировав широкую зону влияния коммунистов на Севере Китая. Это положило начало формированию Пограничного района Шэньси-Ганьсу-Нинся³. Красная армия и ЦК партии переместились в северную часть провинции Шэньси, в 1937 году вошли в Яньань, который стал центром руководства революцией и местом размещения ЦК КПК и Военного совета, а север провинции Шэньси – стратегическим центром китайских революционных баз.

Благодаря своему особому географическому положению, Пограничный район находился в относительно безопасной зоне в годы антияпонских войн, был в глубоком тылу и значительно меньше пострадал от непосредственных разрушений. Хотя в этом районе периодически и происходили военные столкновения между войсками КПК и Гоминьдана, все же с 1939 года, по мере стабилизации, район вступил в период относительного мира. Используя благоприятные условия, правительство Пограничного района взялось активно осуществлять самые разные реформы. Реализация политических мер создала прочную основу для социальной стабильности и экономического развития района и оказало важную поддержку окончательной победе китайской революции.

Такого рода исторический экскурс необходим для понимания исследовательской проблемы данного труда. Мы ставим задачей рассмотреть, как первые поколения китайских реформаторов КПК преобразовали феодальную систему мужского превосходства, как они сломали половое разделение труда и создали условия для нормативно закреплённого равенства мужчин и женщин. С помощью реконструкции прошлого по воспоминаниям о повседневной жизни женщин удастся глубже исследовать, как обычные люди адаптировались в условиях грандиозных социальных экспериментов, как они выживали, переживали, ощущали и оценивали этот процесс, ведь многие из них находились на самом дне социальной лестницы (речь о сельских женщинах). Как изменились их мир, быт и образ жизни в ходе этих событий?

Важно понять также, насколько исторический и социальный опыт этих сельских жительниц северных провинций Китая сохранял преемственность и связь с прошлым, с социальным опытом женщин, проживавших в сельской местности в 1910-е – 1920-е гг. (период Республики), а в чем претерпел значительные и стремительные

³ Цюй Таочжу. Си Чжунсюнь в Пограничном районе Шэньси-Ганьсу-Нинся. Пекин: Чжунго вэньши чубаньшэ, 2014. 486 с.

изменения. Таким образом, ставится исследовательская задача не только собрать и обобщить рассказы об индивидуальных жизненных стратегиях, но и глубже осмыслить перемены в жизни северных провинций страны в целом, ведь то, что мы считаем основными элементами повседневной жизни является базовой опорой макрополитических структур. Любые изменения берут начала в повседневной жизни, в действиях «маленьких людей», но в итоге ведут к переменам, затрагивающим огромные человеческие общности.

Разбирая **степень разработанности проблемы**, нами ставилась задача изучения китайской, зарубежной и российской историографии.

Китайские исследователи обращались к женским персонажам китайской истории в своих публикациях более ста лет назад. К примеру, «История жизни китайских женщин» Чэнь Дунъюаня⁴ была первой предвоенной работой, посвященной этой теме. Его исследование, как и аналогичные мужские работы, критиковало женское прошлое и традиционность, чтобы подчеркнуть перемены, привнесенные новой властью, и выразить современное понимание женской роли⁵.

Спустя три десятилетия, с созданием Китайской Народной Республики в 1949 г. основным действующим лицом в исторических исследованиях стал класс и написание обобщающих трудов, излагающих прошлое страны оказалось сильно политизировано. Поскольку «женский вопрос» был решен на законодательном уровне, продолжать говорить о каких-то проблемах, неразрешенных вопросах, касавшихся женщин, казалось тогда неуместным.

После Третьего пленума ЦК КПК в 1978 году, который стал переломным моментом в истории китайских гуманитарных наук и началом периода стремительного возрождения интеллектуальной деятельности в стране, в китайской историографии началось переосмысление вопросов социальной истории. Ранее все внимание было сосредоточено на классовой борьбе, крестьянских восстаниях и революциях⁶. Однако в начале 1980-х годов произошла значительная переориентация. Особой общественной организации – Женской Федерации провинции Шэньси, основанной в 1950 г. и действовавшей с тех пор, – было поручено собрать, систематизировать и опубликовать источники по истории китайских женщин⁷.

Благодаря расширению международных научных контактов в конце 1980-х – 1990-е годы китайская историография смогла продолжить традицию изучения социальной истории Китая и, под влиянием французской историографии и Школы Анналов, попыталась вдохновить соотечественников на написание новой социальной истории, ориентированной на получение знаний о повседневных нуждах и чаяниях низших классов и маргинальных групп. Под воздействием западных теорий и исследований гендерной истории женская история стала рассматриваться как

⁴ Чэнь Дунъюань. История жизни женщин в Китае. Пекин: Шанву иньшугуань, 1937. 439 с.

⁵ Гейл Хершаттер, Ван Чжэн. Китайская история: полезная категория для гендерного анализа // Шэхуэй кэсюэ. 2008. № 12. С. 148.

⁶ Там же. С. 149.

⁷ Женская федерации провинции Шэньси (ред.) Избранные документы и материалы о женском движении в Пограничном районе Шэньси-Ганьсу-Нинся (1937-1949). Внутренние материалы. 1982. 324 с.

неотъемлемая часть социальной истории, дополняющая существующую картину прошлого.

В последнее двадцатилетие антропология женской повседневности стала медленно превращаться в самостоятельное направление исторических исследований. Множество академических трудов, посвященных истории брачно-семейных отношений в Пограничном районе Шэньси-Ганьсу-Нинся, было сосредоточено на изучении изменений в семейном праве и политике, произошедших после установления особого политического режима в районе⁸. Исследователи расширили свои горизонты, выйдя за пределы изучения нормативных документов, касавшихся брака и семьи. Вышло в свет немало публикаций по истории женского освободительного движения, по истории женского образования, ранних формах участия в политике⁹.

При этом большинство публикаций, основанных на позитивизме и историческом материализме, стремилось описывать и понимать социальные явления и их исторические изменения, исходя из приоритета материальных факторов, так что в них уделялось особое внимание анализу влияния государственной макрополитики на трансформацию женских сообществ. Односторонняя, линейная и упрощающая модель исторического объяснения не только игнорировала влияние на социальную структуру таких факторов, как культурные традиции, религиозные верования, ценностные ориентации и менталитет, но и вовсе не учитывала сложившиеся повседневные практики и личный опыт женщин как субъектов перемен в контексте большой истории.

В обзоре новейших работ о женщинах в Пограничном районе Шэньси-Ганьсу-Нинся выявлен значительный пробел. Среди них практически отсутствуют публикации, глубоко исследующие участие женщин в религиозных и народных обрядах, хотя исследований усилий правительства по поддержке «движения против колдунов»¹⁰ достаточно. Эти работы, как и ранее, не включают темы участия женщин или иные вопросы «женской темы», а при рассмотрении колдовских практик уделяют внимание лишь рационалистическому взгляду, навешивая ярлыки «суеверий» и «темной невежественности». Упрощенный подход игнорирует многомерность социальной и культурной среды региона, обходит женскую тему и не связывает опыт китаянок со стереотипами, укорененными в религиозных представлениях.

В западной исторической науке с середины XX века исследователи обращались к социальному прошлому женщин Китая, сосредотачиваясь на изменениях в брачной системе. В 1960-1970-е гг. из-за напряженных отношений между Китаем и Западом, холодной войны и политики изоляции, зарубежным синологам было трудно проводить полевые исследования в Китае. Писавшие о быте китайцев полагались

⁸ Цуй Ланьпин. Анализ реформы системы брака в Пограничном районе Шэньси-Ганьсу-Нинся // Сибэй дасюэ сюэбао (Чжэсюэ шэхуэй кэсюэбань). 2000. № 4. С. 96-99.

⁹ Чжоу Цзиньтао. Культурное образование сельских женщин в Пограничном районе Шэньси-Ганьсу-Нинся в период войны сопротивления японским захватчикам // Синань миньцзу дасюэ сюэбао. 2012. № 11. С. 214-219.

¹⁰ Ву Чэнван. Движение против колдунов и трансформация сельского общества в Пограничном районе Шэньси-Ганьсу-Нинся. // Кэсюэ юй вушэньлунь. 2022. № 4. С. 51-60.

лишь на опубликованные письменные источники, анализируя степень влияния коммунистической революции на разрушение патриархата и освобождение женщин. Большинство западных исследователей положительно оценивали реформу брака 1950 года¹¹, уделяя внимание теоретическим целям и политическим намерениям высшего руководства и игнорируя различия между разработанной политикой и ее фактическим выполнением на местах.

С конца 1970-х годов западные ученые начали пересматривать свое отношение к Китаю и, благодаря развернувшейся «политике реформ и открытости», получили возможность лично наблюдать за жизнью женщин, переживших социальные преобразования. Проведя полевые исследования в прибрежных районах на востоке Китая, они заметили, что улучшение статуса женщин оказалось там не столь значительным, сколь ожидалось, особенно если принимать в расчет сельскую местность, где традиционное патриархальное влияние по-прежнему оставалось глубоко укорененным¹².

В американской историографии встречается утверждение, что в 1940-х гг. китайское руководство, стремясь к поддержке большинства мужского населения в условиях войны с Японией и гражданской войны, принесло интересы женщин в жертву. Отрицая заинтересованность КПК в улучшении положения женщин и продвижении реформ семейно-брачного законодательства, обесценивая достигнутые успехи, они полагают, что приоритет экономических и военных целей привел к игнорированию проблем и запросов женщин, а новые законы лишь укрепили традиционные женские роли.

В 1980-е гг. эта точка зрения на историю китайской революции в деле освобождения женщин, особенно в феминистской интерпретации, стала доминирующей и получила широкое признание¹³. Однако, подобные исследования основаны на бинарном мышлении времен холодной войны и перспективе западного либерального феминизма, разрывая связь женского движения начала XX века с современными стремлениями к социальной справедливости и паритету, не учитывают связь женских социальных движений с китайской историей и традициями и носят политизированный характер. Такой подход не учитывает в полной мере реальный социальный опыт и активное участие женщин в социальных преобразованиях.

За последние три десятилетия исследования истории китайских женщин в академических кругах Европы и Америки получили новый импульс под влиянием постмодернистской историографии, «новой культурной истории», обновленной истории женщин и исторической антропологии женской повседневности. Новое поколение ученых расширяет круг источников, активно привлекая материалы устной истории, тщательно анализируя эго-документы с целью выявления женского голоса.

¹¹ См. Meijer M. J. Marriage law and policy in the Chinese People's Republic. Hong Kong: Hong Kong University Press, 1971. 369 p.

¹² См. Diamond N. Collectivization, kinship, and the status of women in rural China // Bulletin of Concerned Asian Scholars, 1975. № 1. P. 25-32.

¹³ См. Keating P. B. Two revolutions: village reconstruction and the cooperative movement in northern Shaanxi, 1934-1945. Stanford: Stanford University Press, 1997. P. 7.

Среди исследователей Пограничного района Шэньси-Ганьсу-Нинся выделяется профессор Цун Сяопин (Хьюстонский университет), расширившая свои исследовательские интересы до правовой сферы, анализируя защиту прав женщин через правовые механизмы и их роль в политике. Однако, несмотря на значимость, её работы имеют скорее историко-правовой характер. Следует отметить, что избегание судебных разбирательств — важный фактор поддержания социальной гармонии в китайской правовой культуре. Широкое распространение этой практики предполагает, что случаи, изученные профессором Цун, в повседневности встречались относительно редко.

Российские синологи начали обращаться к женским персонажам китайской истории в своих публикациях почти двести лет назад, что свидетельствует о раннем интересе к роли женщины в китайском обществе. На рубеже XVIII–XIX вв. российская синология развивалась под значительным влиянием Русской православной церкви, центральную роль в которой играла деятельность Пекинской духовной миссии¹⁴.

Исследования фокусировались на анализе семейно-брачных обрядов, социального положения женщин в иерархии и нормативных представлений о женственности, предписываемых конфуцианской этикой. Такие учёные, как Н.Я. Бичурин¹⁵ и С.М. Георгиевский¹⁶, подчеркивали зависимое положение женщины в патриархальной системе, рассматривая её роль сквозь призму конфуцианских добродетелей, включавших скромность, покорность и самоотверженность. Тем не менее, в большинстве работ прошлого основное внимание уделялось элитарной конфуцианской культуре, жизненные реалии женщин из низших социальных слоёв практически не изучались.

Революционные события 1905–1907 годов стали значимым импульсом для активизации женского движения на Востоке и на Западе. В России оно приобрело немалый размах и выразилось в создании новых организаций, прежде всего Союза равноправия женщин в 1905 г., сформировавшего женскую повестку в периодической печати, включая такие новые издания, как «Женское дело» (с 1900 г.) и «Женский вестник» (1904–1918)¹⁷. Интерес к вопросам социальной динамики не ограничивался внутренним пространством Российской империи, ученые выявляли аналогичные процессы в других странах, включая Китай.

Харбин, ставший крупным центром российской востоковедческой мысли, сыграл важную роль в этих исследованиях. В 1908 году в этом городе было основано Общество русских ориенталистов (ОРО) (1908–1927)¹⁸, объединившее исследователей Северного Китая. Значимым вкладом в распространение знаний о китайском «женском вопросе» стал перевод статьи французского востоковеда А. Мэйбона «Феминизм в

¹⁴ Скачков П.Е. Очерки истории русского китаеведения. М.: Наука. 1977. С. 28-88.

¹⁵ Бичурин Н.Я. Китай, его жители, нравы, обычаи, просвещение. СПб.: издание Мициковой, 1840. С. 165-176.

¹⁶ Георгиевский С.М. Принципы жизни Китая. СПб.: издание Панафилина, 1888. С. 120-143.

¹⁷ Пушкарева Н.Л. Пушкарева И.М. Два века женского движения в России и его современное состояние // Женщина в российском обществе. 2021. № 2. С. 20.

¹⁸ Хисамутдинов А.А. Как русские изучали Китай: Общество изучения Маньчжурского края. Владивосток: Издательство Дальневосточного университета, 2018. С. 8.

Китае», выполненный Н.П. Мацокиным и опубликованный в 1910 году в журнале «Вестник Азии»¹⁹.

После образования в 1949 году Китайской Народной Республики (КНР) советско-китайское сотрудничество, базировавшееся на общих идеологических принципах социализма, стало мощным катализатором для развития двусторонних отношений. В 1950-е годы СССР оказал Китаю масштабную поддержку в восстановлении промышленности, строительстве инфраструктуры и создании социальных институтов²⁰. Находясь в КНР, советские юристы осуществляли исследование как политической ситуации, так и законодательных процессов страны²¹, что предоставило им уникальную возможность систематически расширять знания о государственном устройстве Китайской Народной Республики.

С ухудшением советско-китайских отношений в конце 1950-х — начале 1960-х годов, исследовательский интерес к проблематике брачно-семейных отношений в КНР среди советских ученых снизился. Политическая нестабильность в Китае, в особенности события Культурной революции, а также последовавшее нарастание идеологического противостояния между СССР и КНР обусловили переориентацию внимания исследователей на иные аспекты истории китайского социума.

Нормализация отношений между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой в конце 1980-х – начале 1990-х годов способствовала усилению интереса к изучению достижений Китая в реализации модернизационных реформ конца 1970-х годов. Внимание российских исследователей было сосредоточено на анализе социально-экономических преобразований, включая переход к рыночной экономике, трансформацию демографической политики и её влияние на положение женщин²².

С начала 2000-х годов российская синология активно изучает положение женщин в современном китайском обществе, анализируя его в контексте трансформации института семьи, брака и социальных взаимодействий женщин и мужчин²³. Для более глубокого понимания положения женщин в современном китайском обществе важно учитывать исторический контекст, включая правовые и культурные традиции, которые существенно влияли и продолжают ныне воздействовать на порядок социальных отношений между полами²⁴.

¹⁹ Мэйбон А. Феминизм в Китае (Пер. с англ. Мацокина Н.П.) // Вестник Азии. 1910. № 8. С. 44-57.

²⁰ Шэнь Чжихуа. Советские специалисты в Китае (1948-1960) (Пер. с кит. А. А. Тагировой). М.: Наука-Восточная литература, 2015. 423 с.

²¹ Яичков К.К. Брачно-семейное право Китайской Народной Республики // Социалистическая законность. 1952. № 1. С. 52-58.

²² Баженова Е.С., Островский А.В. Население Китая. М.: Мысль, 1991. 235 с.; Бергер Я.М. Планирование семьи в Китае: итоги и перспективы // Проблемы Дальнего Востока. 2001. № 1. С. 100-113; № 2. С. 76-91.

²³ Манухина О.В. Институт семьи и брака в Китае в период реформ и открытости: исторический аспект. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Институт Дальнего Востока РАН, Москва, 2007. 24 с.

²⁴ Белая И.В. О развитии женского монашества в даосской школе Цюаньчжэнь в эпохи Цзинь и Юань. Ч. 1: Пу-Ча Дао-Юань // Вестник РГГУ. Серия: Философия. Социология. Искусствоведение. 2017. № 2(8). С. 20-29.

Интегрируя исторические, социологические и философские подходы, сотрудник Института востоковедения РАН Э.А. Синецкая в своей монографии проводит комплексное исследование эволюции новых идей и женского движения в материковом Китае и на Тайване в XX веке. Автор подчеркивает уникальность китайского феминизма, обусловленную его тесной связью с национальной спецификой, а также акцентирует внимание на значении литературы как инструмента переосмысления поло-ролевых стереотипов для реализации социальных изменений²⁵.

Несмотря на значительное количество исследований, проблема антропологии повседневности китаянок остается недостаточно разработанной. В российской историографии работы по данной теме, основанные на анализе нормативных документов, официальных отчетов и государственной политики, в основном рассматривают законодательное регулирование семейно-брачных отношений и реформы института брака, что придает им макроаналитический характер. Микросоциальные аспекты, связанные с повседневной жизнью сельского населения, почти не освещены. Малоизученными остаются эмоционально-духовный мир женщин, их представления о семье, роли и обязанностях, а также восприятие и адаптация к изменениям в условиях социальной и культурной неопределенности.

Объект исследования в данной работе – женская часть населения сельских местностей, расположенных на пересечении провинций Шэньси, Ганьсу и Нинся в первой половине XX века, которой пришлось оказаться современницами значительных политико-экономических трансформаций и социальных реформ первой половины XX века.

Предмет исследования – перемены в брачно-семейных отношениях, трудовой повседневности и религиозных установках женщин, проживающих в сельских местностях Пограничного района Шэньси-Ганьсу-Нинся в первой половине XX века, женское восприятие этих изменений с учетом культурных особенностей региона.

Цель диссертации – проанализировать специфику трансформаций в женской повседневности и религиозных установках сельских женщин Пограничного района Шэньси–Ганьсу–Нинся, произошедших в 1930-1940-е годы под влиянием государственной политики, выявить их вектор и динамику. Достижение этой цели направлено на то, чтобы уделить особое внимание восприятию реформ теми, для кого они проводились, – самими женщинами, их оценке и адаптационным стратегиям в новых социальных условиях с учетом культурных традиций, ценностных ориентаций и менталитета.

Для достижения поставленной цели необходимо решить **следующие задачи**:

1. Провести историко-антропологический анализ трансформаций государственной политики в сфере брачных отношений, трудовой деятельности и народных верований сельских женщин в период Пограничного района Шэньси–Ганьсу–Нинся;

2. Выявить особенности изменений в быте и повседневных практиках сельских женщин Пограничного района под воздействием социальных и политических реформ;

²⁵ Синецкая Э.А. "Путешествие на Запад" китайской женщины, или Феминизм в Китае. Москва, СПб.: Институт востоковедения РАН, Нестор-История, 2019. 612 с.

3. Рассмотреть общую эволюцию семейного положения женщин в сельских провинциях Китая первой половины XX века в контексте модернизационных преобразований и реорганизации культурно-ценностной системы;

4. Оценить отношение китайских сельских жительниц к переменам в менталитете, их согласие с проведенными реформами, особенно в брачно-семейной, трудовой и религиозной сферах;

5. Выявить поведенческие стратегии сельских женщин Северного Китая в контексте модернизационных реформ XX века, проанализировать их опыт сопротивления патриархальному порядку и обретение женщинами навыков защиты своих прав;

6. Раскрыть паттерны эволюции культурных традиций под влиянием модернизационных проектов и роль женщин в упрочении новых порядков.

Географические рамки исследования установлены на основе исторических границ Пограничного района Шэньси-Ганьсу-Нинся в северной части Китая.

В 1930-1940-е годы Коммунистическая партия Китая инициировала реформы в сельской местности этого региона и возглавила проведение социальных преобразований, которые существенно изменили повседневную жизнь всех сельских жителей страны. Границы Пограничного района Шэньси-Ганьсу-Нинся тянутся от реки Хуанхэ на востоке, начинаются от Великой стены на севере, примыкают к хребту Люпаньшань на западе и граничат с рекой Цзиньшуй на юге. Протяженность района с севера на юг составляет около 500 километров, с востока на запад – около 400 километров. В его состав входят 5 подрайонов: Яньань, Суиде, Саньбянь, Гуаньчжун и Лундун, включающие более 20 уездов, с населением около 1,5 миллиона человек и общей площадью около 130 тысяч квадратных километров.

Хронологические рамки данного исследования охватывают период с начала 1900 года по 1950 год. *Нижняя граница* временных рамок исследования установлена на 1900 год, что совпадает с началом XX века и необходимо для понимания исторических предпосылок. В этот период, на закате династии Цин, активно разрабатывались и предлагались реформы, инициированные такими деятелями, как Кан Ювэй и Лян Цичао. Эти реформаторы стремились к модернизации китайского общества посредством заимствования западных конституционных, правовых и социальных моделей, включая вопросы гендерного равенства. Предлагаемые ими изменения были направлены на всестороннее преобразование общества и ускорение его прогресса, что создало предпосылки для дальнейших социально-политических движений, в том числе и движения за освобождение женщин в Пограничном районе Шэньси-Ганьсу-Нинся. Установление нижнего временного предела на 1900 год позволяет детальнее рассмотреть контекст, в котором зарождалось это движение, а также проследить влияние предлагаемых реформ на его формирование.

Верхняя граница исследования — 1950 год — соотносится с ключевым событием в китайской истории, образованием Китайской Народной Республики в октябре 1949 года. С этого момента начинается новый этап в развитии страны, что делает данную временную границу важным рубежом для анализа изменений в положении женщин за предшествующие пятьдесят лет. Этот исторический период представляет собой своего рода замкнутый цикл, позволяющий с макроперспективы

оценить трансформации, произошедшие в жизни женщин в течение первой половины XX века, включая социальные, правовые и гендерные аспекты.

Методология и методы исследования.

В основе нашей работы лежит комплексный *историко-антропологический подход*, что позволило через глубокий анализ внутренних переживаний индивида, его системы верований, ценностных установок и психологического состояния, раскрыть, как индивид в определенном историческом и социально-культурном контексте формирует самоидентичность и наделяет свою жизнь глубоким смыслом.

Модернизационный подход позволяет переоценить значение традиционного социокультурного контекста в процессе модернизации, а также сосредоточить внимание на конфликтах, возникающих в ходе этого процесса. Включение особой гендерной перспективы в исследования позволяет глубже анализировать отличия в воззрениях и жизненных мирах женщин и мужчин в различные исторические периоды, а также выявлять корни и формы проявления социально-полового неравенства и дискриминации. Такой аналитический метод позволяет наблюдать, как государственная политика формирует социальные роли мужчин и женщин, и как эти политики конкретно влияют на повседневную жизнь женщин.

Подход истории повседневности помогает обнаружить ритуализированные и повторяющиеся структуры в повседневных практиках сельских жительниц, включая их эмоциональные реакции на макро-события и мотивацию поведения.

В диссертации также используется *историко-генетический метод*, позволяющий установить хронологическую взаимосвязь между различными событиями и фактами, связанными с повседневной жизнью женщин. С помощью *нарративного метода* удалось собрать факты из устных материалов и интегрировать их в единое повествование, создавая целостное описание прошлого и формируя на его основе теоретические выводы. *Интерпретативный метод* предоставляет доступ к глубинным субъективным восприятиям и осмыслению событий, запечатленных в нарративах прошлого. *Метод включенного наблюдения и выборочных глубинных интервью* дает возможность обнаружить эмоциональные аспекты жизни сельских женщин, которые не находят отражения в исторических источниках.

Источниковая база исследования обширна и разнообразна, в ней представлены письменные и устные источники различных типов и видов.

Письменные источники включают местные хроники, нормативно-правовые акты, делопроизводственную документацию и материалы СМИ. *Местные хроники*²⁶ представляют собой исторические документы, систематически описывающие природные, социальные, экономические и культурные аспекты определенного региона. Обычно местные хроники включают в себя информацию о географии, населении, истории, экономике, культуре, образовании, религии и обычаях данного региона. *Нормативно-правовые акты*²⁷ включают в себя законодательные документы, такие как

²⁶ Лэй Юньфэн. Хроника основных событий в Пограничном районе Шэньси-Ганьсу-Нинся. Сиань: Саньцинъ чубаньшэ, 1990. 438 с.

²⁷ Хань Яньлун и Чан Чжаожу (ред.). Избранные документы о правовой системе в революционных базах во время новой демократической революции в Китае. Том. 4. Пекин: Чжунго шэжуэй кэсюэ

конституции, законы, указы, постановления и регламенты. Эти документы отражают направления социальной, экономической, культурной и бытовой политики, в том числе вопросы, связанные с правами и положением женщин. *Делопроизводственная документация*²⁸ – это документы, создаваемые и используемые различными государственными, судебными, экономическими, политическими и общественными организациями для управления их деятельностью. К ним относятся протоколы заседаний, служебные записки, отчёты и распоряжения. Другую группу источников составляют *материалы СМИ*. 16 мая 1941 года была основана «Цзефан жибао» – первая крупная ежедневная газета, издаваемая в революционной базе сопротивления японским захватчикам. В ней публиковались новости о женском движении за освобождение и реформе брачной системы в Пограничном районе Шэньси-Ганьсу-Нинся.

Материалы *устной истории* представляют собой основную вид источников. В личном архиве автора содержатся 16 полуструктурированных биографических интервью с сельскими жительницами, собранных в ходе полевых исследований в уездах Хуаньсянь, Хуачи и Цинчэн города Цинъян в апреле 2023 года. В 1930-х и 1940-х годах эти уезды входили в подрайон Лундун Пограничного района Шэньси-Ганьсу-Нинся. Интервью были проведены на основе неслучайной выборки респонденток. Большинство опрошенных – сельские женщины в возрасте старше 75 лет, которые непосредственно или опосредованно пережили те годы перемен и могли рассказать о своем индивидуальном опыте в брачно-семейной, трудовой и религиозной жизни.

Положения, выносимые на защиту:

1. Несмотря на глубокие патриархальные традиции, укорененные в регионе Шэньси-Ганьсу-Нинся с эпохи раннего Чжоу и определявшие бесправное положение женщин в начале XX века, последние, формируя группу “афазий”, активно использовали социальные связи как механизм адаптации, сопротивления и осознания гендерной идентичности в условиях ограниченных возможностей.

2. Реформы семейно-брачного законодательства в Пограничном районе Шэньси-Ганьсу-Нинся, несмотря на сопротивление традиционного общества и сохранение отдельных архаичных практик, способствовали ослаблению патриархальных устоев, росту женского самосознания и формированию новых стратегий взаимодействия между женщинами и властью, что заложило основу для дальнейшей эмансипации.

3. В регионе Шэньси-Ганьсу-Нинся до реформ 1930-х годов, несмотря на активное участие женщин в сельском хозяйстве и ремесленном производстве, их труд систематически недооценивался, а социально-экономическая зависимость, усугубленная патриархальными конфуцианскими нормами и тяжелыми условиями жизни, ограничивала их возможности и способствовала формированию противоречия между экономической необходимостью и социальной стигматизацией, что, в свою

чубаньшэ, 1984. 893 с.

²⁸ Архив провинции Шэньси. Оп. 46. Д. 14. Документ «Вопросы брака в Пограничном районе Шэньси-Ганьсу-Нинся»; Архив провинции Шэньси. Оп. 46, Д. 14. Документ «Проблемы женских браков в Мичжи».

очередь, создавало предпосылки для переосмысления роли женщин в обществе.

4. В условиях военного времени и экономической изоляции КПК успешно реализовала гибкую стратегию вовлечения женщин в экономическую деятельность. Эта стратегия, основанная на признании значимости их труда в домашнем хозяйстве и сочетании продвижения идей социально-полового равенства с традиционными ценностями коллективизма и взаимопомощи, позволила повысить социальный статус и экономическое благосостояние женщин, а также укрепить поддержку партии среди сельского населения.

5. Религиозные верования играли ключевую роль в жизни женщин региона, служа важным механизмом адаптации к тяжелым условиям. В условиях ограниченного доступа к медицине и образованию, женщины активно использовали синкретические религиозные практики для решения повседневных проблем. Эти верования не только обеспечивали психологическую поддержку, но и создавали альтернативные социальные сети, выходящие за рамки патриархальных структур.

6. Несмотря на антирелигиозные кампании и процессы модернизации, устойчивость традиционных верований в Китае объясняется гибким политическим курсом КПК, а также глубокими культурными традициями. Это способствовало прагматичной адаптации местных жителей, особенно женщин, к новым условиям, что позволило им сохранять свои ритуалы и убеждения, демонстрируя формальную лояльность властям.

Научная новизна диссертации определена отсутствием аналитики о женском духовном мире и женской повседневности в северо-западных провинциях Китая в XX веке при наличии запроса на подобные исследования. Обращение к разнообразным историческим источникам, отображающим историю брачно-семейного права и китайской сельской повседневности, а также к обширным устным материалам – рассказам жительниц сельских районов, собранным автором данного квалификационного труда в 2020-е гг., – позволило оценить эвристическую перспективу, провести комплексный анализ повседневного быта сельских жительниц Пограничного района Шэньси-Ганьсу-Нинся, выявить их восприятие перемен и отношение к проведенным КПК реформам в 1940-е годы.

Научно-практическая значимость. Реконструкция повседневной жизни сельских женщин в третьем и четвертом десятилетиях XX века в Пограничном районе Шэньси-Ганьсу-Нинся позволяет глубже понять процесс женского освобождения от традиционных норм и законов, оценить роль государства в этом процессе, а также выявить особенности китайской модели модернизации. Проведенное исследование помогает осознать конкретные современные проблемы, с которыми женщины сталкиваются в таких сферах, как образование, занятость, здоровье и семейная жизнь. Очевидно, что данный анализ станет исторической основой для разработки современных и будущих политик, направленных на улучшение положения женщин и регулирование отношений между полами в семье и обществе.

Апробация выводов исследования. Результаты исследования апробировались на научных конференциях, посвященных обсуждению различных проблем женской истории, истории повседневности, в том числе: Конференция молодых ученых «Актуальные вопросы этнологии и антропологии» (Москва, 2022, 2023),

Международная научная конференция Российской ассоциации исследователей женской истории (РАИЖИ) (Пенза, 2022; Кострома, 2023; Махачкала, 2024), XV Конгресс антропологов и этнологов России (Санкт-Петербург, 2024) и др.

Структура диссертации соответствует цели и задачам исследования. Диссертация состоит из введения, четырех глав (по 3 параграфа в каждом), заключения, списка литературы и источников, приложений.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обоснована актуальность выбранной темы, подробно раскрыта степень изученности данной проблемы, определены объект и предмет исследования, а также сформулированы цель и задачи. Указаны временные и географические рамки исследования, представлена методологическая основа и использованные методы. Проведен анализ источников, выявлена научная новизна и практическая значимость работы. Кроме того, изложены сведения об апробации результатов и описана структура работы.

Первая глава, посвященная теме **«Женская история в китайской, западной и российской историографии»**, содержит сравнительный историографический анализ изучения повседневной жизни китайских женщин в китайской, западной и российской историографии. Рассмотрены эволюция подходов к изучению женской повседневности, уровень методологической зрелости, тематические и источниковедческие ограничения в разных исследовательских традициях. Особое внимание уделено проблеме репрезентации женского опыта, влиянию идеологических, культурных и научных традиций на интерпретацию социальной роли женщин. Выявлено, что, несмотря на рост интереса к изучению женской повседневности, исследования остаются подвержены макроаналитическим подходам, игнорирующим субъективный опыт женщин, особенно в сельских регионах и экстремальных исторических условиях.

Вторая глава **«Семейная повседневность сельских жительниц в регионе Шэньси-Ганьсу-Нинся (1900 -1950-е гг.)»** посвящена исследованию восприятия и оценки китайками первых попыток реформирования системы брачно-семейных отношений и их нормативной базы. В ней рассматривается, насколько проведенные реформы соответствовали ожиданиям сельских жителей указанных провинций, как они принимались ими и как женщины адаптировались к переменам, какое реальное влияние оказали нововведения на повседневную жизнь сельских тружениц.

В первом параграфе, **«Традиционная китайская семья и положение женщин до реформ второй половины 1930-х годов»**, рассматриваются особенности традиционной китайской семьи и анализируется положение женщин до реформ. На основании привлеченных источников показано, что в начале XX века в северных провинциях Китая (Шэньси, Ганьсу и Нинся) семейно-брачные отношения определялись конфуцианскими нормами, доминировавшими в течение тысячелетий. В конфуцианской концепции семьи рождение мальчиков считалось особенно важным для продолжения рода и социального благополучия, поэтому женщины рассматривались прежде всего с точки зрения их способности рожать наследников. Браки заключались по договоренности между семьями на основе экономических расчетов, включая выплаты за невест и удочерение девочек для последующего замужества с сыновьями

семьи. Дискриминация по половому признаку проявлялась в тяжелом труде и принудительных браках. В этих условиях женщины стремились найти поддержку среди других женщин, создавая ближний круг общения для обмена опытом и поиска способов противостоять патриархальной системе.

Второй параграф, *«Истоки и начало изменений в социальном статусе женщин («Положение о браке в Пограничном районе Шэньси-Ганьсу-Нинся»)»*, анализирует социально-исторические предпосылки, причины и ключевые положения реформирования брачных отношений в регионе, а также его влияние на социальные структуры и правовую систему. Ослабление патриархальных семейных устоев в Китае, начавшееся после Первой опиумной войны (1840-е гг.) под влиянием западных идей, способствовало появлению ранних протофеминистских воззрений. В трудах китайских философов рубежа XIX-XX веков встречаются первые идеи о необходимости сближения правового положения женщин и мужчин, критика бинтования ног и наложничества, остававшиеся, однако, в рамках патриархальных воззрений. Анархистские взгляды Хэ Иньчжэнь призывали к радикальному преобразованию общества и ликвидации старой правовой системы. Распространение идей защиты женских прав повлияло на программы Гоминьдана и КПК. КПК, основанная в 1921 г. при содействии Коминтерна под влиянием Октябрьской революции, адаптировала марксистские идеи к китайской специфике, полагая, что женская эмансипация произойдет в контексте ликвидации частной собственности и создания социалистической экономики (аналогично Советской России). Введение в действие *«Временного положения о браке»* (1931) и *«Положения о браке в Пограничном районе Шэньси-Ганьсу-Нинся»* (1939) предоставило женщинам возможность узнать о новых правах, включая свободу заключения и расторжения брака. Эти нововведения столкнулись с сопротивлением сельского общества, вынужденного изменять устоявшиеся патриархальные практики.

В третьем параграфе, названном *«Конфликт традиционных и современных концепций брака и перемены в статусе женщин»*, рассматриваются конфликты между традиционными представлениями и новыми нормами в Северном Китае, а также изменения в статусе женщин в результате реформ брачно-семейных отношений. Анализ женских воспоминаний подтвердил, что реформы, направленные на разрушение вековых традиций мужского доминирования, принимались в сельских районах неоднозначно и часто вызывали сопротивление. Традиционные формы брака воспринимались как норма, и их отмена рассматривалась многими как вмешательство в личные дела семей. Предоставленное женщинам право на развод привело к значительному увеличению числа расторгнутых браков, даже несмотря на то, что многие сельские жительницы не имели толком представления о своих новых правах. Распространение идеи свободы брака, сопровождаемое ростом числа разводов, привело к заметным переменам и эрозии традиционных основ семейных отношений. Молодые женщины, вдохновленные реформами, стремились освободиться от конфуцианских догм и бороться за независимость, но сталкивались с традиционной концепцией «ценности гармонии», препятствовавшей правовому разрешению брачных конфликтов. Сопоставление нормативных положений и воспоминаний показало, что, несмотря на новые законы, культурные традиции и коллективистские ценности

продолжали оказывать сильное влияние на общественное сознание и семейные отношения.

Третья глава *«Трудовая деятельность сельских жительниц в регионе Шэньси-Ганьсу-Нинся (1900 -1950-е гг.)»* анализирует роль и положение крестьянок на протяжении первой половины XX века. В ней прослеживается динамика перемен от дореволюционного Китая до создания Китайского народного государства, вклад, роль, экономическое участие женщин в социальных и политических преобразованиях, инициированных Коммунистической партией Китая (КПК) с 1921 г. до начала 1950-х гг.

Первый параграф, *«Труд крестьянок в дореволюционном Китае: недооценка экономического вклада женщин и ограниченные права в семье»*, посвящен анализу экономического участия и правового положения женщин в дореволюционном Китае, с акцентом на северные провинции Шэньси, Ганьсу и Нинся. Вопреки распространенному представлению о четком разделении гендерных ролей, где мужчинам отводилась работа вне дома, а женщинам — домашние дела, крестьянки активно участвовали в сельскохозяйственном труде наравне с мужчинами, особенно в условиях нехватки мужской рабочей силы. Помимо полевых работ, женщины выполняли многочисленные домашние обязанности. В условиях экономических трудностей и стихийных бедствий они нередко становились основными кормилицами. Несмотря на тяжелый труд, двойную занятость и вклад в домашнюю экономику, женщины оставались в подчиненном положении, обусловленном конфуцианскими нормами, лишавшими их прав на распоряжение заработанными средствами и участие в принятии семейных решений. Активность за пределами дома и заметная независимость влекли за собой социальную стигматизацию. Анализ биографических свидетельств жительниц Шэньси-Ганьсу-Нинся показал, что пережитые ими травмы и страдания часто замалчивались, недооценивались или обесценивались даже близкими родственниками. Природные катастрофы, характерные для рискованного земледелия северных провинций Китая, такие как засухи, голод, эпидемии и землетрясения, усугубляли и без того бедственное положение крестьянок.

Второй параграф, *«Баланс между идеалом и реальностью: «женская проблема» в первых законодательных актах КПК»*, посвящен анализу политики КПК по улучшению положения женщин в условиях антияпонской войны и преобразований в сельских районах. В 1939 году были приняты законы о защите прав женщин, провозглашающие равенство полов и свободу расторжения брака. Однако, стремительное внедрение этих правил в сельской местности выявило проблему: освобожденные от прежних обычаев, женщины испытывали трудности в самостоятельном обеспечении себя. Свобода расторжения брака была признана преждевременной, так как экономическая зависимость и недооценка их вклада в семейную экономику сохранялись. Впоследствии, КПК скорректировала подход, сосредоточившись на вовлечении женщин в общественное производство ради благополучия семьи.

В третьем параграфе, *«Консенсус и разногласия: экономическое вовлечение женщин в Китае в 1940-х годах»*, основное внимание уделено трудностям, с которыми столкнулась КПК при мобилизации женщин в северо-западных провинциях на

прядильно-ткацкое производство в годы японской оккупации. Исследование выявило препятствия: ограниченность контактов с внешним миром, силу традиционных семейных связей, недоверие к политике экономической мобилизации. Сами женщины скептически относились к участию в группах, опасаясь принуждения и неопределенных сроков. Однако, когда программа стала приносить материальные выгоды и позволила работать дома, мобилизация стала восприниматься положительно. Число женщин, поверивших в нее как форму улучшения экономического положения, стало быстро расти. Властям удалось интегрировать культурные установки с экономическими стимулами, что привело к массовому вовлечению в производство, способствовав экономическому росту региона и став для сельских жительниц «революцией достоинства». Этот процесс сформировал новое женское правосознание и создал основу для приближения к гендерному равенству.

Четвертая глава диссертации *«Религиозный мир сельских жительниц в регионе Шэньси-Ганьсу-Нинся (1900 -1950-е гг.)»* отдана исследованию устойчивости и изменчивости традиционных женских религиозных практик, выявлению женской субъектности в компаниях по борьбе с суевериями, истории адаптации женщин к антирелигиозной программе КПК и влияния этой программы на их религиозную жизнь.

Первый параграф, *«Почитание божеств и повседневная жизнь: вероисповедная деятельность сельских жительниц до революции»*, посвящен роли народных верований и религиозных практик в жизни сельских женщин до революции. На примере региона Шэньси-Ганьсу-Нинся в 1930-х годах показано, что широкое распространение деревенских храмов и ритуалов поклонения божествам и духам было связано с ограниченным доступом к медицинским ресурсам и возможностям внедомашней активности. В этих условиях женщины обращались к сверхъестественным силам для решения проблем, касающихся брака, здоровья, рождения детей и семейного благополучия. Устойчивость народных верований объясняется эклектичным слиянием конфуцианства, буддизма и даосизма в ритуалах, регулирующих семейно-брачные отношения. Храмовые ярмарки, как форма религиозных мероприятий, не только расширяли социальные связи, но и предоставляли женщинам возможность для внедомашней коммуникации, способствуя укреплению их социального статуса вопреки социальным ограничениям.

Во втором параграфе, *«Эволюция политики в отношении народных верований: исполнительницы незаконных ритуалов и суеверных практик»*, проанализирована динамика отношения к народным верованиям в Китае, которым государство объявило войну в середине XX века. История вопроса показала, что в традиционном Китае верования считались легитимными, если соответствовали ортодоксальным этическим нормам и поддерживали имперский порядок. После его падения в начале XX века, в ходе вестернизации и модернизации, религия стала восприниматься положительно, а суеверия — как препятствие прогрессу. КПК стремилась заменить верования научными и медицинскими знаниями, используя просветительские и культурных мероприятия. Приняв в расчет распространенность и привлекательность храмовых ярмарок, руководство КПК решило использовать эту традицию, распространяя там медицинские знания и демистифицируя суеверия. Это способствовало секуляризации

женского общественного сознания и трансформации общества.

В третьем параграфе, «*Прагматизм как главный принцип рационального выбора: трансформация восприятия женщинами народных убеждений*», рассматривается динамика изменений в убеждениях сельских жительниц Пограничного района Шэньси-Ганьсу-Нинся. Изучение женских воспоминаний показало сохранность традиционных верований в трудные времена, а также гибкость и терпимость властей к суевериям, что способствовало их сохранению. Потребность крестьянок 1930—1940-х гг. в сверхъестественной поддержке коренилась в воспитании и обеспечивала межгенерационную передачу религиозных практик. Не находя рационального объяснения, крестьянки обращались к сверхъестественному для психологической поддержки и поддержания морального порядка. Модернизация не могла сразу «отменить» старые верования. Новые методы не всегда были эффективны, поэтому женщины искали опору в магическом и сопротивлялись навязываемой рациональности. Трансформация религиозных убеждений происходила медленно и своеобразно, без разрыва с традицией.

Заключение к работе является суммой итоговых выводов проведенного диссертационного исследования. Ранее доказанные во множестве работ китайских и зарубежных авторов предположения о том, что реформы, проведенные в Китае в первой половине XX века и коснувшиеся области семейно-брачных отношений, профессиональной занятости и религиозных верований, оказали самое непосредственное влияние на положение женщин в обществе нашло в данной работе подтверждение и в отношении сельских жительниц. Реформирование затронуло ряд важнейших областей женских жизней, привело к значительным переменам в социальной, экономической роли, культурной и религиозной жизни сельских женщин.

Регион Шэньси-Ганьсу-Нинся, колыбель китайской цивилизации, стал местом формирования культуры раннего Чжоу. Здесь, в XII–XI вв. до н.э., были заложены основы патриархальной социальной организации, определившие гендерные отношения в Китае на тысячелетия. В начале XX века в регионе, где семейно-брачные отношения определялись конфуцианскими нормами, отдававшими приоритет рождению мальчиков, женщины испытывали полное бесправие: рассматривались как средство продолжения рода, становились объектами экономических сделок, сталкивались с дискриминацией, тяжелым трудом и принудительными браками. Такое положение, усугубленное тяжелыми экономическими условиями и военными конфликтами, лишало женщин права выбора, участия в общественной жизни и распоряжения своим трудом, подчиняя их воле мужчин.

Тем не менее, женщины, составлявшие отдельную социальную группу «афазий», активно формировали свои стратегии адаптации и сопротивления. В рамках тесных социальных связей они обменивались опытом, поддерживали друг друга, обсуждали общие проблемы и выработывали стратегии выживания. Это общение, выходящее за рамки формальных институтов, служило важнейшим механизмом передачи социального опыта, способствовало формированию гендерной идентичности, критического мышления и осознания несправедливости патриархальных устоев.

Начиная с конца 1930-х годов, реформы брачно-семейного законодательства представляли собой попытку одномоментно изменить вековые традиции. Важным

шагом стало принятие «Положения о браке Пограничного района Шэньси–Ганьсу–Нинся», которое предоставило женщинам новые права, включая свободу выбора брачного партнера и возможность развода, что способствовало росту их самосознания и уверенности в своих правах. В 1940-е годы эти изменения были углублены в северных провинциях Китая, существенно изменив положение женщины в обществе. Однако эти радикальные преобразования, поддержанные частью китайского общества, ориентированной на социалистические идеалы, сталкивались с сильным сопротивлением, особенно в сельских районах, где патриархальные нормы оставались глубоко укорененными.

Реформы семейно-брачного законодательства столкнулись с сопротивлением, особенно в отношении преодоления браков по договоренности и выкупа невесты. Крестьяне неохотно отказывались от практики “продажи” дочерей, видя в этом компенсацию за расходы на их воспитание. Поправка 1946 года стала компромиссом: выкуп был разрешен, но ограничена его сумма. Восприятие новых норм как вмешательства в частную жизнь семьи было распространено. Крестьяне, как свидетельствуют воспоминания и исследования до 1980-х годов, считали недопустимым самостоятельный выбор партнера, настаивая на родительском контроле. Это, обусловленное политикой ограничения мобильности, привело к сохранению традиционных брачных практик. Более того, судебное решение споров противоречило традиции мирного урегулирования конфликтов. Даже спустя десятилетия практика выкупа невесты сохранялась, демонстрируя устойчивость традиций в сельском обществе.

Несмотря на препятствия, в сельских районах Шэньси–Ганьсу–Нинся идеал “свободы брака”, продвигаемый властями, постепенно приобретал популярность. «Положение о браке Пограничного района Шэньси–Ганьсу–Нинся» значительно изменило положение женщин, предоставляя им свободу выбора жениха и возможность развода, что, по отзывам современников, положительно сказалось на удовлетворенности браком. Число разводов значительно увеличилось, а практика продажи девочек в качестве будущих невест начала исчезать, что было связано с улучшением экономического положения крестьян после земельной реформы.

Проведенные реформы ослабили традиционный мужской авторитет в семьях и содействовали росту женского социального самосознания. Женщины стали смелее защищать свои права и интересы, опираясь на новые законодательные нормы и противостоя старым обычаям. Эти нововведения пошатнули даже вековые конфуцианские традиции, акцентирующие коллективизм и подчинение личных интересов интересам семьи, что ограничивало права и свободы личности. Хотя лишь небольшая часть женщин воспользовалась новыми возможностями, именно они стали пионерами реформ, открывшими путь к новой жизни, за которыми последовали другие. Эмансипация женщин стала двусторонним процессом взаимодействия между властью и теми, кто веками был лишен возможности выражать свое мнение.

Женщины в регионе до реформ 1930-х годов занимались в основном домохозяйством и сельским трудом. Хотя традиция бинтования серьезно ограничивала физическую подвижность, женщины выработали определенные стратегии адаптации, позволяя им справляться с основными обязанностями, включая сельскохозяйственные

работы. При этом тяжелые условия жизни, сопровождающиеся бедностью, хроническим недоеданием, высокими эпидемиями и военными конфликтами, существенно усугубляли положение женщин, делая их уязвимыми к эксплуатации и маргинализации.

Социально-экономическая зависимость женщин усугублялась патриархальными конфуцианскими нормами, которые приводили к недооценке их вклада в благосостояние семьи: женский труд в сельском хозяйстве зачастую воспринимался как «легкий», а доходы от женских ремесел поступали в общий семейный бюджет, при этом женщины не имели права распоряжаться заработанными средствами, что ограничивало их возможности улучшить собственное положение. Тяжелые условия жизни и экономическая необходимость вынуждали женщин искать заработок вне дома, что, однако, часто сталкивалось с социальным осуждением и дискриминацией, обусловленной гендерными стереотипами. Именно это противоречие между необходимостью и существующими ограничениями постепенно подготавливало почву для переосмысления роли женщин в обществе.

В условиях войны и экономической блокады ЦК КПК в 1943 году принял «Постановление о текущей стратегии в отношении труда женщин в антияпонских базовых районах». Подчеркивая важность участия женщин в сельском хозяйстве как вклада в борьбу с врагом, Постановление признавало, что расширение прав женщин способствует повышению их социального статуса и улучшению жизни, а также развитию региона. Это ознаменовало смену тактики КПК в районе Шэньси-Ганьсу-Нинся: от неэффективной мобилизации женщин в военные действия к вовлечению в общественное производство с акцентом на семейном благополучии.

Исследование исторического контекста введения этих мер выявило основные препятствия: ограниченность контактов страны с внешним миром, силу традиционных семейных связей и изначальное недоверие женщин к политике экономической мобилизации. Сельские жительницы скептически относились к участию в прядильно-ткацких группах, опасаясь принуждения и неопределенности. Однако, по мере получения материальных выгод и возможности работать, не покидая дома, их отношение изменилось, и участие стало восприниматься положительно.

Во время войны Коммунистическая партия Китая признала экономический вклад женщин в домашнее хозяйство, особенно в прядении и ткачестве, важным элементом военной экономики и общественной жизни. Этот труд приобрел не только экономическую ценность, но и политическое значение, давая женщинам большее право голоса в семейных делах и способствуя увеличению их доли в семейном доходе. КПК активно продвигала в общественном дискурсе новые понятия - «освобождение женщин», «равенство женщин и мужчин», «независимость и самостоятельность женщин» - через пропаганду, образование и законодательство. Благодаря этому крестьянки, ранее лишённые прав и субъектности, стали членами нового общества, получили ощущение человеческого достоинства в семье и социальной жизни, значительную автономию и право принимать решения.

Западные обществоведы, анализируя неудачи в построении идеального общества, часто отмечают нереалистичные планы, элитарный подход, авторитаризм и пассивность граждан. Эти трудности рассматриваются как проявление структурных

проблем в социальной организации, требующих учета исторического контекста и социокультурных традиций. В отличие от утопических проектов, игнорировавших контекст и потерпевших крах, КПК в 1930-1940-х годах, в условиях японской интервенции и отчуждения интеллигенции от крестьянства, продемонстрировала гибкость и прагматизм, учитывая местные особенности и адаптируя свою политику к нуждам населения. Это позволило ей заручиться поддержкой и добиться успеха там, где другие эксперименты потерпели неудачу.

Примером такой гибкости стал подход к вовлечению женщин в экономическую деятельность. Вместо насильственной мобилизации в сельскохозяйственное производство КПК поощряла домашнее прядильно-ткацкое производство на добровольной основе. Это позволяло женщинам зарабатывать, не покидая дом, сохранять контроль над временем и совмещать труд с семейными обязанностями. Учитывая культурные и социальные ограничения, такие как бинтование ног, которое ограничивало мобильность женщин, домашнее производство оказалось более реалистичным решением, способствовавшим экономической самореализации женщин и повышению благосостояния их семей.

Кроме того, программа по созданию женских прядильно-ткацких кооперативов продемонстрировала высокий мобилизационный потенциал, основанный на переосмыслении традиционных ценностей коллективной ответственности и взаимопомощи. Эти ценности, активно продвигаемые КПК в своей интерпретации, находили свое отражение в конфуцианских концепциях, таких как «идеальное общество единения», «уравнивание богатых и бедных» и «народ как основа». Это способствовало социальной легитимации нового экономического курса, несмотря на критику со стороны некоторых социалистических активистов, видевших в нем отказ от радикального реформирования семейных отношений и ускоренной эмансипации женщин.

Политика КПК по предоставлению женщинам возможности зарабатывать, не ломая при этом прежние общинные патриархальные структуры может быть расценена как зарождение особого «социалистического патриархата», который так назван западными коллегами, которые рассматривают процессы, происходившие в Китае, сквозь призму привычных им моделей эмансипации. Даже соглашаясь на употребление термина, введенного западными аналитиками, стоит учитывать, что женщины в Китае поддерживали идеи компартии не по причине идеологического давления, а по собственной воле. В условиях войны, внешней угрозы стране со стороны Японии, синтез конфуцианства и элементов экономической независимости женщин создал необходимую для преобразований в тот сложный, лиминальный период искомую идеологическую устойчивость и сплоченность.

Интервью выявили единодушное мнение о существенном улучшении жизни женщин благодаря политике КПК, что подкрепляется воспоминаниями о дореволюционных тяготах. Причины этой согласованности требуют анализа крестьянских жалоб на страдания (суку, 诉苦). Существуют различные интерпретации суку: как инструмента политической дисциплины, средства мобилизации лояльности к власти и способа переориентации самосознания. Однако, фокусируясь на «жалобах» (су), эти интерпретации могут упускать из виду объективную реальность «страдания»

(ку), особенно в контексте двойного гнета сельских женщин, подвергавшихся социальной и гендерной маргинализации.

В предреволюционном регионе Шэньси-Ганьсу-Нинся религиозная жизнь женщин была тесно переплетена с социально-экономическими условиями. В многоэтническом регионе (ханьцы, хуэйцы) сочетание буддизма, даосизма, ислама, шаманизма, культа предков и местных божеств способствовало процветанию народных верований, формируя уникальный культурный ландшафт. Из-за дефицита медицины и образования женщины искали в религиозных практиках исцеление, стабильность и защиту. Участие в обрядах расширяло их социальные связи и давало возможность влиять на процесс деторождения. Религия, таким образом, служила инструментом преодоления ограничений, повышения социального статуса и активного участия женщин в общественной жизни.

Анализ политики КПК в этом регионе показывает сочетание религиозной терпимости к основным конфессиям, направленной на создание антияпонского фронта, и борьбы с суевериями, которые воспринимались как признаки крестьянской отсталости. Кампания, направленная против суеверий, в первую очередь касалась лиц, обогащавшихся за счет обмана населения и причинявших вред другим, таких как гадалки, знахари, шаманы и медиумы. Однако эта кампания столкнулась с сопротивлением населения, особенно в связи с критикой отношения к шаманам, которые обладали медицинскими знаниями и являлись важными фигурами в местных сообществах.

Осознание неэффективности насильственного подавления шаманизма в районе привело к изменению подхода: борьба с суевериями стала интегрироваться в программы здравоохранения. Этот подход, ориентированный на распространение знаний и научного мировоззрения, должен был способствовать более рациональному отношению к шаманизму и повышению общественного сознания. Внедрение знаний о здравоохранении в традиционные мероприятия (например, храмовые ярмарки) не только обогатило их новым содержанием, но и стало примером инновационного сочетания науки и народных традиций. Борьба с суевериями, таким образом, перешла от запретов к глубоким культурно-идеологическим преобразованиям, десакрализуя верования.

Несмотря на административные меры, ограничивавшие религиозные практики и вдохновленные советской антирелигиозной пропагандой, которые привели к сокращению традиционных верований и исчезновению некоторых храмов и обрядов, многие ключевые элементы народных верований сохранялись. Это объясняется политическими и культурными факторами. С одной стороны, «Яньаньская модель» сочетала централизованное руководство с оперативной самостоятельностью местных органов, позволяя адаптировать политику к местным условиям. С другой стороны, эта гибкость укоренена в китайской культуре, где конфуцианский принцип золотой середины, акцент на гармонии и сохранении лица побуждали местные власти избегать конфликтов и стремиться к стабильности, что выражалось в выборочном применении радикальных мер. Подобный подход, характеризующийся компромиссом и уступками ради стабильности, можно сравнить со стратегией «смотреть сквозь пальцы», которую КПК использовала в период реформ и открытости при управлении религиозными

верованиями и обрядами. Это позволило народным верованиям сохранить определенное пространство и жизнеспособность.

Особенно важную роль в адаптации и сохранении религиозных традиций играли сельские женщины, опираясь на традиционные верования и ритуалы. Благодаря своему прагматизму, они скорее адаптировались к антирелигиозным кампаниям, находя способы обходить ограничения, формально демонстрируя лояльность, но продолжая соблюдать важные обряды в частном порядке. Чудодейственные представления о духовном мире продолжали оказывать сильное влияние на их восприятие, и модернизация не смогла полностью изменить духовную этику сельчан. Более того, опираясь на традиционные верования и ритуалы, такие как участие в обрядах плодородия или почитание женских божеств, сельские женщины не только сопротивлялись патриархальной системе, но и укрепляли свой статус в семье и обществе. Создавая сети поддержки и участвуя в культурной жизни деревни, они способствовали сохранению религиозных практик, укреплению веры в сверхъестественное и поддержанию моральных устоев. Эти механизмы обеспечивали защиту для женщин, оказавшихся в уязвимом положении.

Гендерная политика КПК в Пограничном районе, основанная на традиционных китайских принципах, таких как «народ как основа» и стремление к «идеальному обществу единения», использовала гибкость, адаптацию к местным условиям и сохранение традиционных ценностей. Используя «массовую линию» и принцип «опоры на факты», КПК стремилась к социальной справедливости, повышению культурного самосознания и всестороннему развитию женщин, тем самым отличая китайский подход от советской и западной практик. Пограничный район Шэньси-Ганьсу-Нинся сыграл пионерскую роль в модернизации Китая, сформировав уникальную модель, интегрирующую национальные традиции и социалистическую идеологию. Основываясь на принципах народного суверенитета и всеобщего благосостояния, гендерная политика КПК активно способствовала всестороннему развитию и полноценной интеграции женщин в общество, рассматривая это как неотъемлемую часть социального прогресса.

Основные положения диссертации отражены также публикациях автора в рецензируемых изданиях, рекомендованных ВАК при Министерстве науки и высшего образования РФ:

1. Ли Илэй, Пушкарева Н. Л. Женская история в трудах китайских ученых второй половины XX в. // *Oriental Studies*. 2023. Т. 16. № 2. С. 404–416 (индексировано также в Scopus Q2)

2. Ли Илэй, Пушкарева Н. Л. Правовые аспекты семейной жизни китайок в первой половине XX в.: эрозия патриархальности, последствия модернизации // *Этнографическое обозрение*. 2024. № 2. С. 190-205 (индексировано также в Scopus Q1)

3. Ли Илэй. Революция достоинства: отношение к женщинам и женскому труду в китайских крестьянских семьях первой половины XX в. // *Вестник Тверского государственного университета. Серия История*. 2024. № 2(70). С. 99–106.

4. Ли Илэй. Народные верования в религиозной жизни сельской женщины Северного Китая периода Второй гражданской войны // *Современная научная мысль*. 2024. № 3. С. 193-200.